

Сладкая попка: Пробуждение

by Homfrog

Ранним утром Лира сидела за кухонным столом. Она чувствовала сладкий аромат блинчиков, что готовила Бон-Бон. Проклятье, как она любила эту кобылку. Они были вместе всего два... Два с половиной месяца, не так ли? Но они были влюблены. Даже не оглядываясь, Лира точно знала, что Бон-Бон выводит на блинчике букву “Л” струйкой кленового сиропа. Единорожка начала лениво *напевать песенку*.

Плита тихонько отключилась, и земнопони осторожно подошла к столу, держа одну тарелку зубами, а другой балансируя на макушке. Первую тарелку она поставила около своего места за столом, чтобы дать ей остыть, а затем повернулась, чтобы придвинуть тарелку Леры поближе к голодной единорожке.

Завязка её фартучка попала под копытце, и Бон-Бон споткнулась. Тарелка с блинчиками полетела в сторону зелёной кобылки с такой скоростью, что Лира едва успела рефлекторно прикрыть глаза, чтобы в них не попал сироп. С хлопаньем тарелка впечаталась в её мордочку, а затем медленно соскользнула и упала единорожке на колени. Блинчики последовали за тарелкой, один за другим, шлёп-шлёп-шлёп.

Бон-Бон быстро поднялась и ахнула.

— Лира, прости меня! Ты вся заляпалась сиропом! Позволь, я помогу тебе! — Она схватила полотенце, висевшее на ручке духовки, и принялась вытирать мордочку и грудь единорожки.

— Здесь, и здесь, и здесь... — приговаривала Бон-Бон, высунув язычок от усердия. Убрав полотенце, она обнаружила под ним взъерошенную и немного недовольную Лиру:

— Ты в порядке?

— Э-э, ага. Спасибо, Бон-Бон... — Лира смотрела в тарелку, лежавшую на её коленях. Верхний блинчик запечатлел отличное изображение её мордочки, растянутое к краям и расплывчатое в центре. Её глаза намокли. — Мои... Мои блинчики...

Загубленные блинчики сейчас больше всего волновали единорожку.

— Ох! — Воскликнула Бон-Бон. — Твой рог!

— Что с моим рогом?

— Твой рог всё ещё липкий! Да он прямо залит сиропом! Стой смирно, я разберусь с этим. — Бон-Бон придвинулась ближе.

— Э-э, Бон-Бон. Я сама могу о себе позабо... — Это было всё, что она успела

сказать, прежде чем её рог бешено защищало ощущение, которое вовсе не было неприятным. — *Б-Бон-Бон!* Какого сена?!

— Мммхм, — ответила та. Рот её плотно облегал кончик рога Лиры. Всё, что оставалось Лире — это не мешать Бон-Бон делать то, что она начала. Но это было не совсем то, чего бы ей хотелось. Это, конечно, было здорово, но подобные вещи обычно происходят после того, как отношения заходят несколько дальше. Намного дальше.

— Бон-Бон! С-с-стой! *Пожалуйста!* — Она извивалась от жгучего удовольствия, передаваемого рогом. Язычок Бон-Бон обернулся вокруг него и скользнул вниз, слизывая вязкий сироп подобно голодной собаке. Он проследовал по всем виткам спирали, сначала от вершины к основанию, затем снова вверх. Лира сжала челюсти, её ноги судорожно подёргивались. Передние ноги Бон-Бон покоились на плечах Лиры, удерживая её напротив пони, которой она помогала почиститься.

— Ты т-торопишь события, Бон-Бон. Мы ведь даже не...

Бон-Бон продвинулась слегка ниже по рогу Лиры, царапая его зубами.

Глаза Лиры распахнулись.

Глаза Лиры распахнулись. *Она лежала в постели. Она спала. Это был сон.* Мысли лениво приходили ей в голову, пока мозг просыпался вслед за свернувшимся калачиком телом. Она возблагодарила Богинь за то, что это был лишь сон. Сколько времени они вместе? Два с половиной месяца? Ничего *подобного* не могло случиться в ближайшее время.

Постепенно её зрение приспособилось к предрассветным сумеркам, пробивавшимся через окно в их общую спальню. Первое, что она заметила — это грудь и шея Бон-Бон, занимавшие почти всё поле зрения. Странное ощущение проползло по её рогу, и зрачки в её широко распахнутых глазах повернулись, чтобы осмотреться.

“О СЕЛЕСТИЯ МИЛОСЕРДНАЯ!” — мысленно вскричала Лира. Бон-Бон крепко спала и нежно посасывала её рог. Блестящие капельки слюны падали на простыни, а её рот охватывал рог Лиры как соску, сжимаясь и расслабляясь в такт её дыханию. Подушки Бон-Бон не было видно на кровати, её грива растрепалась, два цвета переплелись друг с другом. Её передние ноги были переплетены схожим образом.

Ух, ладно... что же мне делать? Мятная единорожка нервно огляделась вокруг, пытаясь найти часы. Увы, они были на прикроватной тумбочке позади неё, и не было

никакой возможности не вставая посмотреть на них. Но она даже и не пыталась. Рот Бон-Бон отвлекал её от любых мыслей, кроме как о нём самом. Он был тёплым и мягким. То, как её язык ласкал самый кончик, не торопясь, как будто это леденец, который надо растянуть на весь день, заставляло мурашки пробегать по спине. Она отчаянно краснела, с каждой волной мурашек всё сильнее. Несмотря на то, что одеяла были сброшены, Лира отметила, что ей вовсе не холодно, как должно бы быть ранней-ранней весной до восхода солнца. *Технически ведь ещё ночь, верно?*

Лира не хотела будить Бон-Бон. *Она ведь может прекратить делать то, что делает*, рассуждала единорожка. К своему стыду, решив всё же побаловать себя этим достойным порицания удовольствием, она качнула головой вперёд, проскальзывая рогом поглубже. Бон-Бон только вздрогнула, но продолжила свои действия. Теперь зелёная кобылка ощущала, как стимулируются нервные окончания у основания рога. Этого уже было немало, но она хотела большего. Закусив губу, Лира просунула рог на всю длину, изо всех сил стараясь избегать зубов и дёсен своей подруги.

В общем, теперь она могла расслабиться. Бон-Бон теперь сделает всю грязную работу. Лира любила Бон-Бон, и хотя она была очень смущена тем, что их отношения перешли к этой стадии так внезапно и *без согласия?..*

Она тяжело вздохнула. Она слишком устала, чтобы сейчас спорить. Потом они обсудят это. Неважно, спала Бон-Бон, или нет — Лира собиралась насладиться этим.

И она действительно этим наслаждалась. Между прочим, язык Бон-Бон был знаменит в кондитерских кругах за свою способность завязать узелком черенок от вишенки или развернуть конфету прямо во рту. Каждое посасывание вызывало мощные приливы удовольствия. Лира вздрогнула, когда почувствовала пузырь набухающей под основанием рога железы. Теперь обратного пути не было, если она не хочет остаться с болезненно распухшим покрасневшим рогом.

Тонкая струйка сверкающих выделений появилась где-то на кончике рога. Она не пыталась посмотреть, где именно, да это было и не важно, главное, что это происходило. Если подумать, то она не могла вспомнить, когда же подобное случалось последний раз. В любом случае, это не имеет значения. Она затрепетала всем телом, когда полизывания стали более активными, гораздо менее осторожными. Наверное, Бон-Бон сейчас снится что-то странное. Язык её хорошенько прошёлся по завиткам спирали, вызывая вспышку-другую. Теперь Лира искрилась — хаотичными вспышками назлектризованной любви. Она была очень близко.

В блаженстве Лира взбрыкнула задней ногой, её рот приоткрылся, а глаза немного закатились. Это должно случиться с минуты на минуту. Она и забыла, насколько это здорово, а это оказалось просто *потрясающе*. Особенно потому, что она всем сердцем любила пони, которая делала это.

Она почувствовала, как её разгорячённый покрасневший рог испускает искорки магии. Выделения сочились на язык Бон-Бон и размазывались по всему рогу. Под огромным давлением рог распух и увеличился на дюйм от основания до верхушки завитков спирали. Если бы у единорожки была возможность посмотреть, то она бы увидела свой рог ярко-красным, разгорячённым от возбуждения. Железа под основанием рога безумно зудела, и Лире оставалось лишь молча молиться о финале.

Бон-Бон неожиданно проснулась. Не сразу поняв, что происходит, она закрыла рот, прикусив при этом рог. Сильно. Лира вскрикнула, достигнув оргазма. Распухшая покрасневшая кожа её рога сдалась, посылая срочное сообщение в мозг Лире. Мозг Лире, в свою очередь, сообщил рогу, что всё в порядке и нужно действовать как обычно.

Лира излила магию в рот Бон-Бон с силой терпящего крушение поезда. Вещество, напоминавшее клей с блёстками выплёскивалось в таких количествах, что Бон-Бон через несколько секунд уже не могла дышать. Лира застонала и вытащила рог, всё ещё слабо извергавшийся каждые несколько секунд. Она была уверена, что уже годы не испытывала такого, и никогда ей не было так хорошо. Она перекатилась на спину и, широко раскинув передние ноги, уставилась в потолок закрытыми глазами.

Рядом с ней сидела только что проснувшаяся Бон-Бон с полным ртом тёплой искрящейся магии. Она лихорадочно оглядывалась вокруг, пока её взгляд не упал на Лире, на её чрезвычайно влажный лоб и на яркий румянец, покрывающий её мордочку и... весь рог...

Бон-Бон поняла, что не может вздохнуть, и неуверенно сглотнула магию — по вкусу она напоминала обожаемый Лирой белый шоколад. Она облизнула губы и глубоко вздохнула.

— *ЛИРА! КАКОГО СЕНА ТУТ ПРОИСХОДИТ?!*

— Не слышу тебя, остаточное свечение.

И действительно, рог Лире испускал вспышки мягкого света по её шёрстке, и Лира нежилась в них, как в летний день. Бон-Бон слегка стукнула её в плечо и сердито скрестила передние ноги. Она следила за тем, как вспышки становятся всё реже до тех

пор, пока Лира не всхрипнула и не открыла сияющие глаза.

— Лира! Какого сена ты только что делала со мной?!

— Эмм. Я могу объяснить.

Бон-Бон сердито выпрямилась.

— Я жду.

— Ты сосала мой рог во сне, а я не хотела тебя тревожить.

Бон-Бон презрительно усмехнулась:

— Я этого не делала!

— Тогда что же тебе снилось?

— Я... там были... блинчики?

Лира улыбнулась.

— Вот и мне тоже! — заявила она так, будто это полностью всё доказывало.

— Как... Как это может тебя радовать?! Ты только что пропустила целую главу наших отношений! И, честно говоря, я чувствую, что мной воспользовались.

Единорожка нахмурилась и посмотрела на подругу.

— ...Прости, Бон-Бон...

— Хмм.

— Мне очень жаль, Бон-Бон. Мне так жаль...

Подруга ничего не ответила, и Лира продолжила:

— Бон-Бон, я не пытаюсь оправдываться, но, во-первых, ты была очень напористой. Во-вторых, сегодня первый день Весны. А в-третьих, у тебя просто невероятный язык. И не я начала это. Я проснулась, а ты посасываешь его, как соску.

— ...Как соску?

— И в этом ты была просто великолепна, даже во сне. Я так тебя люблю, Бон-Бон. Спасибо тебе.

— ...Всегда... пожалуйста?

Лира мечтательно взглянула в глаза Бон-Бон.

— Но это не отменяет того факта, что ты *полностью мной воспользовалась!* — нерешительно настаивала Бон-Бон.

— ...Хорошо, как я могу это исправить... сладкая попка?

— Не смей... — хихикнула Бон Бон. — Не называй меня так, Лира. Это серьёзно.

— Что серьёзно, сладкая попка?

Она опять хихикнула:

— Лира, я знаю, что ты делаешь!

— Что я делаю, сладкая попка?

— Лира! Прекрати! Ты же прекрасно знаешь, что я не люблю эту кличку! — она в шутку стукнула свою подругу.

— Какую кличку? *Сладкая попка?*

— Да! — Она прижала копыто ко рту, чтобы сдержать смех.

— Тебе она нравится, разве не так, сладкая попка?

Бон-Бон открыто расхохоталась:

— *Хва-а-а-а-а-а-а!* Я тут пытаюсь пристыдить тебя!

— Я тоже тебя люблю, сладкая попка. — Лира чмокнула подругу в щёчку.

— Лира... Ха-ха-ха, хватит меня так называть! — Она раскачивалась от смеха. — Я не сладкая попка!

— Нет, ты *моя* сладкая попка. — Лира опустила голову и потёрлась носом о кьютимарку Бон-Бон.

— Эй, — с притворным возмущением воскликнула Бон-Бон, — прекрати это! До конца месяца спишь на диване!

— Я не против — ближе к холодильнику. Ты ведь этого хотела, сладкая попка?

— Лира! Переста-а-а-а-а-а-а! — Она стукнула её в плечо снова. — То, что я стряпаю *порой* слишком много пирожных, не означает, что это не наказание!

— Как скажешь, *сладкая попка*. Доброго утра! Я за газетой. — Лира выбралась из кровати и сделала три шага на задних ногах, после чего упала на все четыре. — Я это специально, — добавила она, когда вышла из комнаты и закрыла дверь. Бон-Бон

хохотала несколько минут.

— Сладкая попка. Сла-а-адкая-я-я-я-я по-о-о-опка. — Бон-Бон хихикнула. — Сладкаяпопкасладкаяпопкасладкаяпопка. Я — сладкая попка. Хи-хи! — И она встала с кровати, чтобы принять заслуженный душ.

В ванной комнате она бросила взгляд на себя в зеркале, всё ещё хихикая, приоткрыла рот и провела язычком по губкам, после чего зубы её, *клацнув*, сомкнулись в улыбке, и она вошла в кабинку.

— ...Сладкая попка!